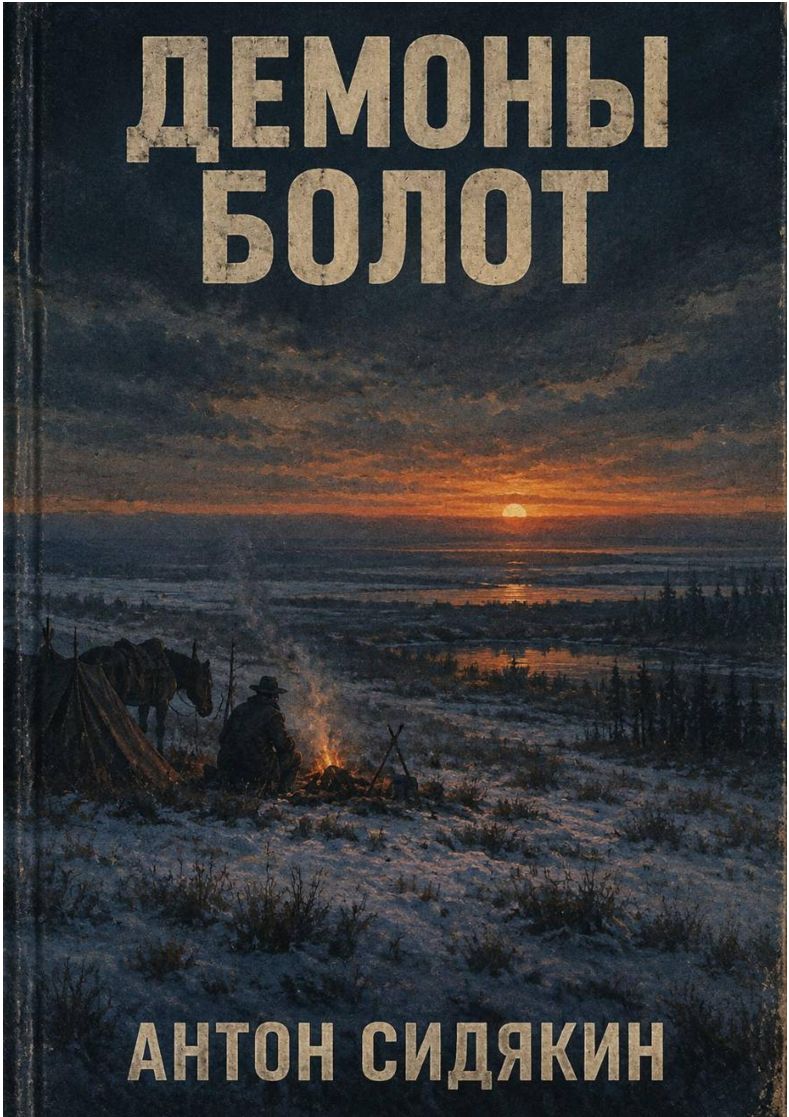
ДЕМОНЫ БОЛОТ

АНТОН СИДЯКИН

Антон Сидякин

Демоны болот

https://litres.ru/74706362
SelfPub; 2026

Аннотация

Множество жутких слухов кружится вокруг болота, один страшнее другого, и никто не может точно сказать, где кончается вымысел и начинается правда. Когда Ковбоя попросили спасти пропавшую там девочку, он не мог отказаться, но не мог и представить каким кошмаром всё обернётся.

"Демоны болот" - самостоятельная история, происходящая в том же мире, что и "Сибирские пустоши"

Содержание

1 5
2 8
3 13
4 18
5 21
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Антон Сидякин
Демоны болот

Демоны болот.

1

Тёмно-бордовым окрасило закатное солнце лежащий тонким слоем снег. Укрытая им степь протянулась от края до края. На юге, за пределами видимой земли, стоял небольшой городок Тобольск. Оттуда шёл Ковбой. Он остановился на привал, и пламя костра играло на его тронутом щетиной лице. Он вглядывался на север, на реденькие кончики деревьев, торчащие из-за горизонта.

Болото.

Он вглядывался в них и вглядывался в себя. Он никак не мог решиться. Было легко пообещать той женщине помочь в уютном баре, где магнитола под потолком играла старые советские песни и желудок согревало приятное тепло крепкого самогона.

Но вот он почти здесь. И цель близка, и в голове всплывают истории о похищенных людях, о монстрах, о демонах, о мутантах. Истории, одна безумнее другой, ибо болото это было клоакой, притягивающей ужасы всех мастей. И никто не решался зайти внутрь, что бы узнать в чём правда, пока Ковбой, словно какой-то герой из древних легенд, не пообещал отправиться туда.

У него была своеобразная репутация в этих местах. Не то что бы доброго самаритянина, но крутого парня. Широкополая шляпа архаического вида, шестизарядный револьвер на

поясе и живой конь заместо привычного в этих местах байка. За всё это его и прозвали Ковбоем.

Но он не был героем, и он не был лихим парнем. Он согласился помочь, потому что не смог отказать в тот момент. Потому что сказать нет той женщине с заплаканным лицом и голосом, срывающимся на визг, было просто невозможно. По злой превратности судьбы он был там в тот вечер и по какой-то неведомой причине она избрала именно его своей жертвой.

У него была особая репутация в этих местах. Странно, но как будто бы только в тот момент он осознал это. Когда взгляды устремились на него и была в них... Надежда?

Эти жуткие болота. Жить здесь, словно приютить под боком монстра. Слишком много детей исчезло в этих местах. Слишком много матерей, на чьих лицах навсегда отметилась печать утраты.

И когда она обратилась к нему, к чужаку, но чужаку знакомому, словно бы весь город присоединился к её мольбе. По крайней мере та его часть, что топила суровую холодную жизнь тем вечером в горячих напитках бара «У Джимбо».

И он не смог сказать нет. Он не принял решения тогда. Он сказал, что поможет, зная одну простую вещь — к кому бы она не пошла после него, никто бы больше не согласился. Он сказал, что поможет перед всеми этими людьми, думаю про себя, что никакого согласия на самом деле не даёт. Что он может двинуться в другую сторону. Стоит ему покинуть

город и ничто не заставит его придерживаться данного в тот вечер общения.

Но он смотрел на кончики деревьев и уже почти ощущал зловонный жар, исходивший от воды, где гниют упавшие стволы и те, что стоят, покрыты ядовитыми грибами и ягодами.

Он не повернул в другую сторону, выехав из города. Он двинулся на север. К болотам. И он продолжал рассказывать себе, что ничего не решил ещё. Что может свернуть в любой момент. Но конь его двигался вперёд, оставляя тонкую прямую тропку следов на снегу и солнце двигалось над головой от его правой руки к левой.

И вот он уже видит кончики деревьев и всё равно думает, что всё ещё может свернуть.

Он подъедет к опушке и заглянет внутрь. Завтра к середине дня он будет там.

И только тогда он примет решение. Окончательное и бесповоротное.

2

Он остановил коня на опушке. Среди редких деревьев был натянут полог зелёного голого грунта. Словно кто-то нарисовал границу на земле, с одной стороны чистый белый снег, болото с другой.

Ковбой слез с коня. Животное нервно переминалось с ноги на ногу, било копытами по мягкой земле.

– Спокойно, Вермут, – он потрепал коня по морде.

Сделал несколько шагов к опушке и чуть не провалился, когда покрытая снегом земля утопла под его правой ногой. Граница оказалась обманчива. Он отступил назад. Вглядывался в редкие деревья впереди. У него даже не было ничего, что бы проверить почву перед собой. Сгодилась бы и ветка, но позади деревьев не было, а вереди до них ещё надо было добраться.

Он доверился собственным ногам. Оставляя одну на твёрдой земле и второй ощупывая пространство перед собой, он дошёл до ближайшего дерева. Всё высохшее и промёрзлое, он без труда отломил от него длинный сук и вернулся назад к коню. Внутри седельной сумки небольшой ранец с самым необходимым. Спальный мешок, немного сухой одежды и запас еды на несколько дней. Большую часть припасов придётся оставить вместе с Вермутом, да и самого коня...

– Возвращайся в город, – сказал Ковбой.

И глядя в умные глаза зверя, можно было подумать, что тот понял. Он потрепал гладкую морду, угостил яблоком из седельной сумки напоследок, и снова направился в чащу.

Палкой как тростью ощупывал почву перед собой. Земля пружинила. Он пересёк границу снега. Воздух был по прежнему холодным, но земля стала теплее, согретая водами под грунтом.

Он обернулся назад и увидел, что конь по-прежнему стоит, переминаясь с ноги на ногу, глядя ему вслед. Хорошее животное. Верное. Доброе. Но придётся его оставить. Здесь оно не пройдёт.

Он шёл. Медленно. Аккуратно. Пытаясь держаться поближе к деревьям. Почва возле них должна быть твёрже. Но росли они редко и ему всё время переходилось красться по зелёной поверхности обманчивого грунта. Он ткнул палкой перед собой, и она утопла и что-то хлюпнуло. Земля разверзлась и вытекла небольшая лужица.

Здесь было тихо. Ветер равнин пел вдалеке, едва заметный. Не было птиц. Не было насекомых. Лишь скрипели деревья, не способные дотянуться ветвями одно до другого.

Чем дальше шёл он, тем более безумной казалась вся эта идея. Не храбрость, но глупость. Один человек на огромном болоте. Что мог он?

Он оглянулся и не нашёл коня. Ускакал прочь. Ну и хорошо. Нет пути назад, какой бы глупостью это ни было.

Он шёл вперёд, тыкая палочкой перед собой. Ветка снова

пробила дыру в земле, зацепилась за что-то и громко хрустнула. Ковбой чуть не полетел вперёд вслед за ней, но смог удержаться на ногах. Но когда он вытащил палку из лунки, в руках у него остался лишь маленький бесполезный огрызок.

Он осторожно побрёл к ближайшему дереву. Одна нога впереди, рискует уйти под воду, пока вторая остаётся на относительно твёрдой земле.

И вдруг то, что казалось твёрдой землёй секунду назад, разверзлось. И нога которая должна была быть в безопасности начала тонуть. Сначала резко, когда сломался верхний грунт, но потом медленно. Сапог заполнился илом. Вторая нога тоже уходила под воду. Он погружался. Попытался дотянуться рукой назад, к тврёдой земле, но та проломилась. Предательская почва поглощала его.

Он закричал в отчаянии:

– На помощь!

Он кричал, но не было надежды в этом крике. Болото было пусто. Болото было мертво. Он был один. Весь мир сузился до бессмысленных попыток вытащить себя.

– Хоть кто-нибудь!

Барахтался, пытаясь найти опору, но от этого погружался лишь сильнее. Ил и тина, и горячие воды сковали его. Тянули внизу в глубины подземного ада. Он пытался судорожно соображать. Придумать хоть-что. Уцепиться рукой, найти опору. Пальцы нащупывали лишь мягкий подобный грязи слой. Ноги медленно тонули в ватном одеяле. Мысли мета-

лись в голове, но ни одна из них не была полезной. Неужели вот оно? Неужели это конец? Какого чёрта он вообще забыл здесь? Голубое небо казалось так близко. Земля казалась так близко. Так близко и так далеко.

И вдруг откуда ни возьмись тишину прорезал ответный крик:

– Э-ге-гей, – бодрое и почти залихватское.

– Я здесь! – кричал Ковбой.

Он ушёл уже по пояс в ил.

– Иду! продолжайте кричать! Что бы легче найти!

И Ковбой кричал.

– Я здесь!

– Я здесь!

– Я здесь!

Он увидел его среди деревьев. В куртке защитного зелёного цвета и в нелепой панамке. С белой бородой, видневшейся издалека и с двумя лыжными палками. Он шёл торопясь, но не забывая проверить каждый шаг, посильнее ткнув перед собой одной из палок. Он приближался, а Ковбой продолжал уходить под воду. Ноги промокли, и земля уже почти дошла у него до груди. Вода была такой странно горячей рядом с зимним холодным воздухом.

– Я иду! Я иду! – крикнул старик.

Ковбой боялся, что старик не успеет. Он уходил под воду. Медленно, но неуклонно. Погружался. Чувствовал противный тухловатый запах от потревоженной воды.

– Пожалуйста, – он хотел закричать, но получился лишь тихий вздох.

Его грудь погрузилась в ил. Почти по шею. Он держал руки над головой.

Старик остановился у ближайшего дерева. Размотал верёвку, повязанную вокруг пояса и спешными уверенными движениями обвязал вокруг тонкого сухого ствола. Кинул другой конец Ковбою и тот схватился за неё, как за последнюю надежду. Попытался подтянуть себя, а старик тянул с другой стороны. Погружение остановилось. Тина, дошедшая уже почти до горла, начала медленно отступать вниз. Они оба тащили верёвку изо всех сил. Ковбой перебирал руками, словно при восхождении и старик помогал, тянув её, с другой стороны, стараясь держаться поближе к дереву.

Тина отступила до пояса. Дело пошло легче. Весь мокрый, с тухлым запахом застоявшейся воды в носу, он выбрался на твёрдый грунт и рухнул на спину. Смотрел на жидкое серое небо и под бешеный стук сердца, начинал понимать, что выжил.

3

– Значит птицы, – сказал Ковбой.

Чай на столе, шляпа висит на крючке перед дверью. Окно приоткрыто, а в печке тлеют угли. Здесь было тепло, но не жарко.

– Сейчас это место выглядит, конечно, не очень примечательно, – Василий Петрович сделал большой глоток из своей чашки. – Но вот дождитесь весны и здесь всё зацветёт и птицы вернутся.

Ковбой откинулся на спинку стула. Пейзаж за окном выглядел не просто не примечательным. Он выглядел, откровенно говоря, зловеще.

– Как давно вы здесь? – спросил Ковбой.

– Тридцать лет.

Старик бросил взгляд на полку у себя за стеной, и Ковбой увидел там несколько стопок тетрадей.

– Это довольно примечательное место, – сказал Василий Петрович. – из-за подземных вод и вообще. Когда я приехал сюда здесь было немало других... людей.

– Вы в курсе?.. – Ковбой замялся. – Что конец света вроде как наступил. – Он усмехнулся. – Вы в курсе что произошло?

– У меня есть радио, – сказал Василий Петрович.

– Радио?

– Я слышал. Следил, за тем, что происходило.

– Почему вы здесь? – Ковбой смотрел на старика. Он сделал глоток, он не хотел давить на него.

– Как я и сказал. Это примечательное место. Птицы — моя специальность. Но я изучаю и записываю всё, что нахожу.

– За тридцать лет можно, наверное, описать каждый клочок земли здесь.

Он пожал плечами.

– Как далеко вы ходите? Насколько глубоко?

– Не очень-то и глубоко на самом деле. Местные предостерегли меня. Там дальше начинаются священные места для них.

Ковбой отложил чашку.

– Местные? – спросил он.

– Чуть дальше на север. Немного на запад. Они сами находили меня. Я бывал в их поселении пару раз. Они... Они живут здесь очень давно.

Мог ли старик что-то знать? Ковбой встал. У порога подсыхал его постиранный ранец. Внутри в маленьком полиэтиленовом пакете была фотография.

– Вы слышали слухи про эти места? – спросил Ковбой.

– У меня есть радио, – повторил старик.

– Оно всё ещё работает? Кто-то передаёт?

– Я слышал рассказы. Легенды точнее. Я сам... – он словно задумался на мгновение. – Я слышал звуки, – сказал он. – Рёв, наверное. Рёв медведя, но... Издалека. С севера.

Ковбой достал маленькую фотокарточку. Положил на стол, чувствуя себя следователем из старого телесериала.

– Вы видели эту девочку?

– Нет, – старик едва взглянул. – Я не видел здесь никого уже очень давно.

– Других пропавших детей.

– Я слышал слухи. Я не видел ничего. Это просто лес. Просто болото. Я живу здесь. Это не какая-то обитель зла.

– Что за звуки вы слышали?

– Медведь. Наверное, всего лишь медведь. Просто ночью один в лесу воображение может разыграться и прислышаться всякое.

– Что вам прислышалось?

– Что он говорил, а не просто рычал.

– Говорил что?

– Я не знаю. Слова, которые я не смог разобрать. Русские слова. «Пойдём», может быть. И ещё «Стой», может быть.

– Это было давно?

– Это было не один раз.

Старик встал у окна, попивая чай, глядя на мёртвые деревья и обманчивый зелёный ковёр.

– Я тридцать лет уже здесь, – сказал старик. – Как я и сказал. Здесь были волки и медведи раньше. Летом. После того как бомбы упали, вся крупная дичь ушла куда-то. Остались птицы и насекомые, а зимой даже они словно бы вымирают. Птицы улетают. Насекомые... Я пытался проследить, но я не

понимаю, куда они исчезают. Я слышал волков, когда заходил слишком далеко на север. Как будто бы две стаи переговаривались.

– Они ушли вглубь леса?

– Похоже на то. Я не захожу туда. И не только из-за предупреждений. Земля там... Земля там не такая как здесь.

Ковбой спрятал фотографию обратно. Он подошёл к полке. Взял тетрадь сверху. Старик не стал возражать. Внутри действительно зарисовки птиц и строчки усеянные аккуратным подчерком. Описания. Какие-то термины, которых Ковбой не понимал. Он вернул тетрадь на место.

– Вы знаете, что бомба упала на болото? – спросил Старик.

– Я не знал. Я думал так далеко на восток не было целей.

– Может по ошибке. Очень далеко на севере. Но всё ещё в болотах. Я видел отсюда. Огромный гриб. И после этого звери ушли. И птицы улетели посреди лета. Вода вскипела. Серьёзно. Здесь тёплые источники, но после взрыва пар шёл из земли несколько дней. И так не должно быть. У этого нет объяснения.

Он помолчал. Лишь тихий ветер за окном. Треск ветвей, словно неспешные разговоры деревьев.

– Я хочу найти этих местных жителей, – сказал Ковбой.

– Это не сложно. На северо-запад отсюда. Почти по прямой. Вы увидите тропы. Впрочем, будьте осторожны. Тропы на болотах не то, что тропы в лесу. Где земля прохожена она

может провалиться ещё легче.

– Вы не проводите меня?

Старик помотал головой.

– У них город на сваях, – сказал он. – Прямо посреди самой топи. Над резервуаром питьевой воды. Они жгут костры по ночам. Вы увидите их. Услышите.

Ковбой сверлил его взглядом, а старик смотрел в окно.

– Я не очень люблю людей, – сказал старик. – Вы уж не обижайтесь. Одному мне спокойно, а от людей у меня начинается хандра.

Ковбой кивнул, словно старик мог увидеть его жест спиной.

– Вы можете остаться на ночь, если хотите, – сказал Василий Петрович. – Пока вещи не просохнут.

И Ковбой ещё раз кивнул. У него и у самого начиналась хандра от этого места.

4

Ковбой двинулся на северо-запад. Сжимая в руках подаренную лыжную палку, он медленно брёл вперёд под звуки далёкого ветра и медленный перехруст ветвей в тишине. Солнце вскарабкалась в небо и опустилось за горизонт, а ни пейзажи, ни звуки так и не сменились. Чем дальше на север, тем теплее становился воздух, но в остальном...

Ночь была прохладной и тихой. Спальный мешок на мягком зелёном ковре. Здесь у земли пахло тиной и мутью.

И наутро он двинулся дальше. Простой вопрос остался не задан — а как далеко ему идти?

Держась поближе к деревьям, тыкая палочкой в землю, так что оттуда тонким ручейком порою выливалась болотная мутная вода, он шёл вперёд.

Прошло несколько дней. Его рюкзак пустел, но о голоде пока можно было не волноваться. Он видел грибы на стволах, в ядовитости которых не был уверен. И кусты ягод, ярко красного цвета и странной формы, напоминающей ожившую опухоль. У него был неплохой фильтр, но глядя на мутную дрянь, сочащуюся из земли, не был уверен в его эффективности. Он надеялся добраться до деревеньки гораздо раньше, чем что-либо из этого станет проблемой.

Он считал дни. И на третий день, а точнее ночь, он услышал о чём говорил старик. Рёв, громкий, но далёкий, слов-

но на другом конце земли. Он был уверен, что не слышал никаких слов, но что-то было не так в этом рычании, с этим он был согласен. Он словно замедлялся и ускорялся, закручивался и извивался как уж. Не похожий ни на какой язык Ковбою известный, но на некий иной, чуждый и оттого зловещий.

Он слушал в темноте, как звук прекращался и возобновлялся. То тише, то громче. То ближе, то дальше. Более низкий сменялся окликом повыше, словно двое разговаривали над болотом. Ковбой прислушивался, забравшись поглубже в спальный мешок, и даже не разбирая слов, животный инстинкт подсказывал ему смысл — «беги». Брось всё и уноси ноги. Вернись на равнину, где всё знакомо, где высокое голубое небо над головой и твёрдая земля под копытами верной лошади.

Он плохо спал в ту ночь. Даже когда далёкие перерыкивания смолкли, он всё прислушивался, но ветер больше ничего не доносил. И когда солнце начало пробиваться сквозь голые ветви уходящих до горизонта деревьев, он встал и пошёл вперёд. На рассвете было проще оставаться человеком, закопать страх поглубже и не обращать на него внимания.

Ковбой шёл вперёд, шляпа на голове, рюкзак за спиной, бесполезный револьвер на поясе и лыжная палка в вытянутой руке помогает находить дорогу словно слепому. Ещё день он шёл по этой мрачной мёртвой земле и когда солнце уже начинало садиться, он увидел дым на горизонте. Сердце

застучало, и он не знал был ли то страх или радость.

Он не пошёл быстрее, не хватало ещё утонуть на последнем участке перед конечной целью. Он подумывал остановиться, когда солнце уже совсем село, но в сумерках он увидел зажигающиеся огни и пошёл дальше на запах тепла, едва слышные голоса и треск далёкого костра.

Какое-то движение в темноте. Высокая тень поднялась и кинулась прочь. Звук шагов по дереву. Ковбой нашарил тонкий деревянный настил над грунтом и чуть увереннее пошёл по нему.

Сердце продолжало стучать и среди всех эмоций Ковбой понял, что страх преобладает. Словно зверь внутри пробуждается и животные инстинкты подсказывают, что опасность прячется впереди. Бесполезный револьвер на поясе, дурацкая шляпа на голове. Ковбой входит в город, где ярко сверкает огонь и голоса смолкают при виде его.

5

Когда Ковбой подходит, все взгляды устремлены на него. Девушки в простых белых платьях с лентами в волосах, с косами, доходящими до пояса. Мужчины, одетые столь же просто, обросшие бородами. Они расступаются, словно подпуская Ковбоя к огромному костру. Один человек выходит вперёд. Его одежда кажется более церемониальной. Словно монашья роба белого цвета. Полоска ткани подвязывает доходящие до плеч волосы. В отличие от большинства, он гладко выбрит. Он молчит, как и прочие. Они все ждут чего-то от Ковбоя. И Ковбой ждёт чего-то от них.

Ему хочется потянуться к револьверу. Хочется открыть огонь. Не люди предстали перед ним, но демоны болот. Опасные хищники щерят свои клыки. Он пытается успокоиться. Он лезет в рюкзак, чтобы достать маленькую фотографию в пластиковом пакетике. Под их пристальными неодобрительными взглядами.

Человек в робе шагает вперёд. Он останавливает Ковбоя. Берёт его за руки.

– Мы поговорим, – говорит он.

И он отпускает его руки, проходит мимо, жестом повелевая следовать за ним.

– Потушите костёр, – кивает он на ходу. – Сегодня ритуала не будет.

Ковбой смотрит назад. По-прежнему враждебные взгляды прикованы к нему. Но кто-то бросается прочь, откуда-то появляются вёдра, и вскоре слышится шипение и поднимаемся пар. Ночь становится темнее.

Ковбой идёт следом. Человек в робе движется медленно как король. Но когда он открывает дверь, то Ковбой видит простую ничем не примечательную хижину. Человек разжигает печь для тепла, зажигает свечи на столе в глубине комнаты. Он садится и жестом указывает Ковбою на стул напротив. Свет тускл и в комнате темно. Ковбой занимает своё место. Ему кажется, что он оказался в глубоком подземелье. Сияние луны почти не проникает в маленькое оконце. Комнатка едва ли обставлена. Кровать и столик и больше ничего. Что-то вроде кухни расположилось над печью, но деревянные ложки и каменный нож напоминают о древних временах.

– Что здесь происходит? – спрашивает Ковбой, хотя это вовсе не то, с чего он хотел начать.

Фотография девочки по-прежнему у него в рюкзаке и это то, зачем он сюда пришёл. Но револьвер у него на поясе и Кобой боится, что тот может ему понадобиться.

– Меня зовут Васепа Захревич, и я староста этой деревни, – говорит человек напротив, склонив слегка голову.

– Люди обычно называют меня Ковбой, – он слегка трогает поля своей шляпы, но жест остаётся незамеченным.

– Я хочу спросить прямо, – говорит Васепа. – Чужаки ред-

ко появляются здесь. Зачем ты пришёл?

Ковбой слышит какое-то шевеление за дверью, но Васепа не реагирует на него. Его взгляд прилип к незнакомцу в шляпе. Пламя свечи играет в глазах дьявольскими огоньками. Рот натянут в тугую линию.

Рюкзак приставлен к стенке рядом со столом, и Ковбой пытается потянуться туда, чтобы достать фотографию. И вновь Васепа останавливает его, коснувшись руки. Прикосновение горячее, словно в лихорадке.

– Что ты ищешь? – спрашивает он.

– Я хочу показать фотографию, – говорит Ковбой.

– Скажи словом.

– Девочку. Маленькую девочку, пропавшую здесь. Её... – Ковбой теряется под этим взглядом. Он думает о револьвере на поясе. Думает в какую очевидную ловушку попал. – Она заблудилась в этих болотах, – говорит он.

– Маленьким девочкам не место в топях. Она не могла выжить. Трясина поглотила её наверняка.

Холодные слова. Ковбой всё равно хочет добраться до ранца. Хочет достать фотографию, словно щит, способный защитить от этого человек.

– Тебе не стоит находиться здесь, – говорит Васепа. – На твоём месте я бы дождался рассвета и повернул назад. Тебе некуда идти дальше.

– Некуда?

– К северу отсюда священные земли. Туда нельзя. Туда

никто не ходит.

Его лицо ничего не выражает. Его голос сух. Только в глазах пламя свечи.

– Ты должен вернуться, – говорит он. – Забудь о девочке.

– Но я... Маленькая девочка пропала в болотах. Я должен найти её.

– Бог прибрал её.

– Вы что-то знаете?

– Я знаю, что ничего хорошего ты не найдёшь здесь. Кто она тебе? Дочь?

– Нет. Никто.

– Тогда забудь. Мы должны заботиться о своих дочерях. Должны заботиться о своих сыновьях. Остальное — тлен.

– Я пообещал.

Его взгляд. Его молчаливый взгляд. Он откидывается на спинку. Словно расслабляется слегка. Словно выдыхает. И затем встаёт и говорит сверху вниз.

– Ты проведёшь у нас ночь и наутро повернёшь назад. Покинешь болота. Никогда не придёшь сюда больше.

Ковбой думает о револьвере на поясе. О людях за дверью. О шести патронах. О том, что никогда не убивал. И не хотел начинать.

– Я пойду на север, – говорит он.

И получает лёгкий кивок. Васепа открывает дверь. Выходит прочь, впускает ветер и холод внутрь. Переговаривается едва слышно с людьми снаружи. Кто-то уходит. Кто-то вхо-

дит внутрь. Мужчина и женщина. Молодые. Мужчина без бороды. Вокруг лба кусок ткани, словно обруч, серый и грязный. Женщина в холщовом платье, затянутом пояском. Без косы. Длинные волосы свободно развеваются до половины спины.

Они смотрят на него, ждут.

– Пойдём, – говорит Васепа из прохода.

Ковбой поднимается. Берёт ранец в руку, думает о фотографии. Не сейчас. Может позже. Он думает показать её женщине.

Они выходят из хижины. Васепа притворяет дверь, никаких замков. Пламя свечи всё ещё горит внутри сквозь маленькое окошко. Васепа возвращается, чтобы погасить его. А они идут вперёд по дощатой тропке над водой внизу, мерно бьющейся о сваи.

– Куда мы идём? – спрашивает Ковбой.

Но они не отвечают. Они идут медленно, позволяя Васепе нагнать их.

– Ты уйдёшь утром, – говорит он.

Ковбой не отвечает. Не кивает. Он уйдёт. Но он движется дальше. В эти их священные земли.

А стоит ли туда идти? Он помнит ночной медвежий рык, словно демоны переговаривались в ночи. Что-то не так во всём этом раскладе.

– Что там к северу отсюда? – спрашивает Ковбой.

Он замечает, что девушка прислушивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.